

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Atlas slovenského jazyka», I.—Vokalizmus a konsonantizmus. Cast' prvá—mapy Cast' druhá—úvod, komentáre, materiály.—Bratislava, 1968.

Языковедческий институт им. Л. Штура в Братиславе издал первый том диалектологического атласа словацкого языка, содержащий картографированный материал словацкой фонетики и разнообразный комментарий к атласу. Сбор материала для атласа и подготовительные работы явились отражением коллективного труда словацких языковедов. Руководителем группы был И. Штольц, основными исполнителями — Ф. Буффа и А. Габовштяк, редактировал том Е. Паулини. Второй том атласа, который готовится к печати, будет содержать материал по словацкой морфологии (флексии). В последующих томах (их намечается пять) найдут отражение словарный состав, словообразование и синтаксические явления словацких говоров.

Изучение словацких говоров имеет давнюю традицию. Уже штуровское поколение, стремившееся к созданию общенародного словацкого языка, отдавало себе отчет в наличии общесловацких и местных явлений в области фонетики и морфологии. Об этом свидетельствуют замечания Л. Штура в его грамматике о *a, ě, y* и некоторых грамматических формах локального характера. Начало лингвогеографического изучения явлений словацкого языка относится к концу XIX в. Так, в 1893—1897 гг. Фр. Пастрнек собирал материал словацких говоров для обработки его методами лингвистической географии¹. Старательно собирал диалектный материал (по восточнословацким и среднесловацким говорам) С. Цамбель². На протяжении 1921—1930 гг. в языковедском отделе Словацкой матрицы проходила деятельность В. Важного по сбору материала для диалектологического атласа словацкого языка. Он на-

правлял в различные пункты анкеты-вопросники, на которые получал ответы от представителей местной интеллигенции, которые, впрочем, не всегда были достаточно искушены в лингвистике. В. Важный наметил основные характеристические явления словацких говоров, апробировал метод лингвистической географии, в отдельных работах проанализировал некоторые важные фонетические и морфологические явления, стремился картографировать свои результаты и подтвердить их интерпретации³. Ему удалось осуществить синтетическую характеристику словацких говоров⁴.

Настоящий атлас опирается на материалы, собранные в 1947—1951 и последующих годах. Новый вопросник по изучению словацких говоров («Dotazník pre výskum slovenských nárečí.—Atlas slovenského jazyka») разработали в 1947 г. Е. Паулини и И. Штольц. Ядром вопросника, по реализации которого и развернулась оживленная собирательская работа, являются фонетика и морфология. Лексическим, а особенно словообразовательным и синтаксическим явлениям такого внимания не уделено. Составители вопросника, не располагая подробными сведениями о географическом распространении отдельных явлений⁵, стремились каждый языковой факт иллюстрировать

³ См. его работы: «Slovenské nárečia v Orave», SMS, I, 1922; «Príspevok k štúdiu nárečí Západného Slovenska», SMS, III, 1925; «Zoskloňovania v nárečí turčianskom», SMS, IV, 1926; «Dva slovenské tvary», SMS, VI, 1928; VII, 1929; «Z mezislovenského jazykového zeměpisu. Příspěvky k dokumentární hodnotě díla: Maŕeckí M. i Nitsch K., Atlas językowy polskiego Podkarpacia, Kraków, 1934»; Praha, 1948, а также: «O počatcích jazykového zeměpisu na Slovensku», SMS, VII, 1929.

⁴ V. Vážný, Nářečí slovenská, «Československá vlastivěda», III—Jazyk, Praha, 1934, стр. 219—310.

⁵ Монографических работ по словацкой диалектологии немного, см.: V. Smilauer, Slovenské střídnice jerové a změna e, ě > a, o, Praha, 1930; J. Stanislav, Liptovské nárečia, Turč. Sv.

¹ См.: Fr. Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slowakischen Sprache in Ungarn, Wien, 1888; рубрика «Studovanie slovenčiny» в журн. «Slovenské pohľady», XIII—XVII, 1893—1897.

² S. Czambel, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, I—Východoslovenské nárečie, Turč. Sv. Martin, 1906.

большим количеством слов, отбирая последние с учетом фонетического окружения, положения в слове, в различных формах и т. п., ибо от этого зависит наличие качественно различающихся рефлексов данных звуков и форм. Общая картина создавалась на основе тщательного учета частных явлений. Основная цель вопросника — полнее отразить все типы различающихся форм определенного явления на ограниченной территории.

Словацкие говоры дифференцированы чрезвычайно сильно. Традиционное деление их на три группы — среднесловацкую, западнословацкую и восточнословацкую — слишком упрощено. Эти группы, во-первых, не отграничены резко друг от друга, а имеют ряд переходных областей, во-вторых, они распадаются на меньшие диалектные единицы даже в пределах прежних административных районов (комитатов, жуп или столиц). Задробностью фонетических и морфологических явлений часто следует видеть не только хозяйственно-административные единицы, но и феодальные владения, свободные города с именными, привилегированные поселения со своими формами управления и т. д.

Наряду с этим нужно было учесть положение словацкого языка среди соседних славянских и его контакты с другими языками. Известно, что словацкие говоры на западе и северо-западе граничат с моравско-словацкими говорами Моравии. В районе Чада — с ляхским наречием. На северной Ораве и северном Спинге представлены горальные говоры. В северном Шарше и Земчине они соседствуют с украинскими говорами лемковского и бойковского типов. В центральной Словакии, Спинге, Гемере и на крайнем юго-западе наблюдался длительный контакт словацких говоров с языком немецких колонистов. На многие словацкие говоры оказывал влияние венгерский язык.

Достоверность результатов достигалась в указанных условиях двумя путями. Во-

первых, подробным вопросником⁶. В вопроснике учитывается 2355 слов и форм. На 1690 словах можно изучать фонетические явления, на 590 — морфологические, на 75 — словообразовательные, на 200 — лексические различия. Это может послужить материалом для 4000 карт. Во-вторых, густой сетью изучаемых населенных пунктов. Вопросник был заполнен в 2559 словацких селениях, т. е. практически везде на сплошной словацкой территории.

В. Важный за 10 лет (1921—1931) получил ответы на вопросник в 1600 пунктах от 1100 корреспондентов. В языковом атласе немецкого языка Г. Венкера 240 явлений зарегистрированы в 40 000 пунктах, во французском атласе Жильерона 1920 явлений зарегистрированы в 639 пунктах. В разбираемом атласе 2355 слов и форм учитывались в 2559 населенных пунктах. Если эти данные сопоставить с опубликованными атласами других славянских языков и учесть, что словацкая языковая территория относительно невелика, то следует признать, что для словацкого атласа собран максимум языкового материала и что это самый подробный атлас одного из славянских языков.

Собирателями, заполняющими вопросник, были специально подготовленные 121 студент-славист со старших курсов университета им. Коменского. Как правило, студенты регистрировали факты родного говора или ближайших местностей. Информаторами были уроженцы соответствующих селений. Подавляющая масса материалов была собрана в 1947—1951 гг. Ставилась цель — при жизни одного поколения собрать и опубликовать материалы. Достоинством вопросника является тот факт, что после заполнения он сразу без переписывания становился частью картотеки. Таким образом, в картотеке был сосредоточен почти полный материал о фонетической и морфологической дифференциации словацких говоров. Естественно, что весь этот материал не мог найти отражения в атласе. В конце концов было установлено 328 пунктов на сплошной словацкой территории и 7 пунктов на территории с венгерским населением, которые и нашли отражение в атласе.

Выбор пунктов не мог быть равномерным и автоматическим. Решающим критерием была степень диалектной дифференциации, деление говоров на относительно единые диалектные единицы, в которых один пункт можно было бы считать показательным для целой группы селений. Следует заметить, что в некоторых областях (восточный Липтов, западный

Martin, 1932; J. Liška, K otázke pôvodu východoslovenských nárečí, Turč. Sv. Martin, 1944; J. Stolic, Nárečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku, Bratislava, 1949; F. Buffa, Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese, Bratislava, 1953; J. Horák, Nárečie Pohorelej, Bratislava, 1955; P. Ondrus, Stredoslovenské nárečia v Mad'arskej ľudovej republike, Bratislava, 1956; R. Krajičovič, Pôvod juhozápadoslovenských nárečí a ich fonologický vývin, Bratislava, 1964; A. Hrabovský, Oravské nárečia, Bratislava, 1965; J. Stolic, Reč Slovákov v Juhoslávii, Bratislava, 1968. Обобщающие работы: J. Stanislav, Dejiny slovenského jazyka, I, Bratislava, 1958; E. Pauliny, Fonologický vývin slovenčiny, Bratislava, 1963.

⁶ Cp.: J. Stolic, Atlas slovenského jazyka, «Linguistica Slovaca», IV—VI, 1946—1948; егo же, Ku koncepcii atlasu slovenského jazyka, «Jazykovedný časopis», XII, 1961.

Спиш, весь Гемер) говоры даже соседних селений различаются фонетически.

Карты являются основным элементом языкового атласа. На них отражено географическое распространение языковых явлений и показаны все важные факторы, могущие иметь прямое или косвенное влияние на диалектную дифференциацию. К вспомогательным картам словацкого атласа относятся: 1) цветная общегеографическая карта; 2) карта административного деления, содержащая государственные границы, границы исторических округов от 1886 г., границы административных районов от 1949 г., крупные населенные пункты; 3) карта избранных для картографирования пунктов и 4) карта словацких диалектов, составленная на базе их классификации по характерным признакам.

Собственно языковых карт насчитывается 299. Они объединены в связи с отдельными фонетическими явлениями в XXIX серий. Указанные серии карт посвящены фонетическим явлениям, которые, во-первых, характерны для словацкого языка в целом, и, во-вторых, отражают его специфику в кругу других славянских языков.

В области вокализма закартографированы следующие явления: I. рефлексы древнего *a*; II. рефлексы *-ja*, *-ěja*; III. рефлексы *ъ*, *ь*; IV. вставные гласные; V. начальные группы *rat-*, *lat-*; VI. рефлексы *e*; VII. рефлексы *a*, *ā* и т. п. на месте древних *e*, *ē*; VIII. рефлексы *o* вместо древнего *e*; IX. рефлексы *jou*, *ou* вместо *jeu*, *eu*; X. рефлексы *e*, *je*, *i*, *i* на месте *e*, *ē* в кратком слоге; XI. рефлексы *je*, *i*, *i* на месте *e*, *ē* в долгом слоге; XII. рефлексы *o*, *ō*; XIII. рефлексы *u*, *ū*; XIV. гласные *i*, *y*; XV. количество. В области консонантизма: XVI. слоговые *r*, *ř*; XVII. *l*, *u*, *l'*; XVIII. *v*, *u*, *f*; XIX. *m*, *n*, *ñ*; XX. *t'*, *d'*, *c*, *z*, *t*, *d*; XXI. *s*, *z*, *š*, *ž*, *š*, *ž*; XXII. *k*, *g*, *z*, *h*; XXIII. группа *str-*; XXIV. группы *čre-*, *čr-*; XXV. группы *dl*, *dn*; XXVI. группы *tl*, *dl*; XXVII. двойные согласные; XXVIII. группы *št'*, *žd'*; XXIX. группа *st'* в восточнословацкой области.

При подготовке атласа пришлось решать проблему принципиального характера: следует ли отмечать в слове все его фонетические, морфологические и иные особенности или же ограничиться лишь указанием на одно конкретное явление, имеющее дифференциальный характер. В вопросе имеются слова, в которых важна лишь одна дифференциальная особенность; например, в форме им. мн. *gazdovia* такой особенностью является флексия *-ža*: *žā*: *-ā*: *-ě*: *-je*: *-e*. В форме твор. ед. жен. рода *s dobrou ženou* важно различие окончания *-ou*: *-of*: *-ot*: *-ū*: *-u*. В подобных случаях ситуация была благоприятна для картографирования. Однако во многих случаях число дифференциальных признаков в слове увеличивается. Так, в слове *chrbāt* их целых

три: 1) *x*: *h*:; 2) слоговое *g*: *-er*: *-ar*:; 3) гласный *-ā*: *-uo*: *-je*: *-e*. В некоторых словах сочетаются фонетические и морфологические различия; так, форма 1-го лица ед. числа настоящего времени глагола *ist'* может выглядеть как *id'em* — *ižem* — *ižem* — *idu*. Иногда имеются лексические дифференциации: *žito* и *raž*, *jašmej* и *jares* со своими фонетико-морфологическими особенностями. В связи с этим географическое распространение каждого дифференциального признака в слове отражалось на особой карте. Например, различие произношения двух слогов слова *vietor* отражено на картах 164 и 67. Первая представляет характер первого слога (*-je*: *-e*: *-i*: *-i*), другая — второго слога (*-o*: *-e*: *-r*: *-r*).

Подобный подход привел к большей наглядности, уменьшению аппарата комментария, способствовал объединению однородного материала и возможности сопоставления с картами одной и той же серии.

Указанное обстоятельство имеет следствием тот факт, что в атласе представлены два типа языковых карт: аналитические и обобщающие, синтетические. На первых отражено географическое распространение различных форм дифференциального признака в конкретном слове. Другие особенности, присущие этому слову, на этой карте не отражены; их можно найти на других картах. Синтетические карты обобщают материал серии аналитических карт и отражают в виде пучка изоглосс территориальное размещение соответствующих форм. Так, например, рефлексы начальных групп **ort-*, **olt-* представлены на 8 аналитических картах (75 — слово *rakyla*, 76 — *ražeň*, 77 — *raždie*, 78 — *rāst'*, 79 — *rāzporok*, 80 — *rāzvoja*, 81 — *rāzsocha*, 82 — *laket'*). Десятая (карта 83), являясь синтетической, отмечает в виде изоглосс территориальные границы форм типа *laket'*, *ražeň* и т. п., давая наглядное представление о среднесловацком характере этого явления, его глубоком проникновении в западнословацкую область вплоть до границ с Моравией, что представляет ценнейший материал для исторической интерпретации указанного явления.

К первому тому атласа приложен комментарий. В пояснениях к фонетическому явлению оно чаще всего оценивается в историческом плане, современные диалектные факты предстают в качестве последней ступени изменений, восходящих к предполагаемому праславянскому состоянию. По каждому явлению приводится список лингвистической литературы. Комментарий к картам содержит: 1) все варианты картографируемого слова, включая и те, которые не нашли отражения на карте или приведены на других картах; 2) праславянскую реконструкцию картографируемого слова и параллельные формы в славянских литератур-

ных языках (диалектные формы других языков приводятся редко); 3) дополнения и уточнения к фактам, нашедшим отражение на карте.

В качестве приложения напечатан вопросник для изучения словацких говоров, индекс слов и форм вопросника, список лиц, заполнявших вопросник, с указанием населенных пунктов, перечень и характеристика 328 избранных населенных пунктов, алфавитный список картографически обработанных слов и, наконец, список литературы по общей и словацкой диалектологии.

Изображение языкового явления в одном слове и на одной карте неизбежно носит статический характер. Динамическое объяснение возможно лишь в связи с другими картами и на фоне других явлений. Только в этом случае получает смысл сопоставление с языковыми явлениями причинного порядка, системой языка и выяснение внеязыковой обусловленности языковых явлений. Именно поэтому перед нами не атлас слов, а атлас языковых (в данном случае фонетических) явлений.

При интерпретации любого лингвистического атласа важно учитывать, что многие слова и формы одинаковы на всей

территории распространения того или иного языка, что именно они образуют базу языкового целого. Дифференциальные явления выступают лишь как составная часть этого языкового единства. Обычно территориально дифференцированное языковое явление отражает движение общества в определенном направлении. Данные атласа о дифференциации языковых явлений после соответствующей конфронтации с общественными, экономическими, культурными, колонизационными и другими историческими фактами, которые оказывали влияние на внутренний характер и внешний ход языковых изменений и от которых зависели и зависят дифференцирующие и нивелирующие процессы, помогут осветить внутреннюю и внешнюю историю словацкого языка, историю формирования словацкой этнической группы и ее культуры. Более глубокому познанию этих проблем будут способствовать также сопоставления с соседними и отдаленными славянскими языками. Именно поэтому появление первого тома атласа следует отнести к событиям общенационального словацкого значения.

Н. А. Кондрашов

I. Batori. Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen. — Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1969. XVIII + 170 стр. («Ural-altaische Bibliothek», XVII).

Коми язык, как и другие пермские языки, исключительно богат сложными словами (композиитами) самых разнообразных типов. Между тем вопросы словосложения коми языка во всем их объеме до сих пор не получили должного освещения в нашей лингвистической литературе¹.

Рецензируемая книга И. Батори, посвященная в основном исследованию проблемы сложного слова в коми языке, состоит из введения (стр. 1—10) и двух основных разделов: а) сочинение (koordination) и сочинительные композиты (стр. 11—87) и б) подчинение (subordination) и подчинительные композиты (стр. 88—170).

В введении вкратце освещены общие вопросы словосложения, которое является одним из важнейших средств обогащения словарного состава языка. Образование новых лексем путем сложения слов занимает в разных языках различное место. Доминируя, например, в венгерском, финском и современном немецком языках, этот способ сравнительно мало применяется во

французском и русском, что компенсируется здесь большой продуктивностью аффиксального образования, широким употреблением свободных словосочетаний и т. п.

В отношении структуры слова, например, древний индоевропейский язык коренным образом отличался от древних финно-угорских языков. В индоевропейских языках слово — это корень плюс словообразовательный суффикс и плюс окончание. Синтаксическая самостоятельность основы (не говоря уже о корне) была весьма ничтожна; форма им. падежа ед. числа была образована путем присоединения соответствующего падежного окончания (ср. ст.-слав. *вѣкъ-ъ*). В финно-угорских же языках основа слова является формой им. падежа ед. числа, синтаксическое употребление основы слова весьма широко: она может быть и подлежащим, и дополнением, и определением. Так обстоит дело в настоящее время в большинстве финно-угорских языков (исключение представляют прибалтийско-финские языки, где произошла дифференциация между основой слова и формой им. падежа ед. числа). Коми язык и другие пермские языки хорошо сохранили рассматриваемую черту финно-угорских язы-

¹ Некоторые из этих вопросов разработаны в кн.: А. [С.] С и д о р о в, Порядок слов в предложении коми языка, Сыктывкар, 1953.